10*****

Эмбирель смотрела на три довольные морды. Человеческая радость еще больше придавала им уродства. Бедные создания, они даже не представляют, насколько их существование ущербно и ничтожно. Но в их сознании осталось лишь желание пожрать, да эйфория от удовлетворения голода.

Она не дрогнула, не побежала на этот раз, в страхе спасая свою жизнь. Она осознала – из города нет выхода, он её не отпустит. И в этом городе остались одни лишь монстры. Рано или поздно, но голод погонит их на поиски жертвы и они всё равно найдут её.

Твари в нетерпении перешли на бег. Девушка последовала их примеру – устремилась на встречу. Бежала прямо по центру.

Видя это, собакоподобные существа, что бежали по краям, ушли в стороны, стали заходить с боков. Ей все равно, она не спускала глаз со своей намеченной цели.

Совсем близко.

Тварь растянулась в прыжке, готовая уже воткнуть когти в грудь, повалить на землю и прижать тяжёлыми лапами.

Эмбирель резко ускорилась, оттолкнулась, уходя под смертоносными когтями, под бугристой грудью и обвисшим от обжорства животом. Вонзила саблю в серую плоть и вспорола уродливое брюхо.

Шлейф чёрной крови оросил мощеную дорожку. Тварь продолжала свой прыжок, а из неё вываливались внутренности.

Девушка сделала кувырок, встала на одно колено. Где-то на краю видимости заметила резкое движение. Лапа еще одной «собаки» готова была уже разорвать когтями нежную беззащитную кожу, выдрать кусок мяса.

Эмбирель срубила эту лапу. К девушке потянулась зловонная пасть, в улыбке позволяющая во всей красе рассмотреть её острые зубы. Сталь пронзила уродливую морду, снизу вверх, окровавленное лезвие вышло из макушки. Острые зубы оказались рядом с лицом, но так и не дотянулись до своей жертвы. Эмбирель завалилась на спину, оттолкнула мертвую тушу ногами, перекидывая через себя. Резко вскочила.

Остался лишь один противник.

Он не был расстроен потерей своих товарищей, наоборот довольно заурчал, залаял, радуясь, что ему теперь достанется больше свежего мяса. Он хотел лишь утолить свой голод, получить наслаждение. Смерть? Что это значит? Нет ничего, кроме голода.

Тварь самозабвенно бросилась на девушку. Какая разница, что сталь пронзила грудную клетку? Главное дотянуться зубами да шеи, вспороть артерии, что несут в себе сладкий и столь желанный нектар!

Тяжёлая туша сбила Эмбирель с ног, придавила к земле. Девушка исхитрилась ударить по подбородку чудовища, чтобы закрыть тянущуюся к себе пасть, укрылась рукой, продолжая сдавливать подбородок. Надавила на рукоять сабли. Хоть сейчас и нет пространства для размашистого удара, сталь, пронзавшая монстра, двинулась, вспарывая ткани. Поток чёрной

крови залил девушку.

Вскоре тварь замерла, так и не добравшись до столь близкой пищи. Эмбирель сбросила с себя тело поверженного врага. Выдернула саблю. Какой же лёгкой сейчас казалась сталь! Почти невесомой, как тонкая тростинка... И так же легко ей рассекать воздух, как и плоть врагов.

- А ты молодец, Эмбирель, - Рендон склонился над трупом собакоподобного существа, с интересом и улыбкой рассматривая открытую, с вывалившимся языком, пасть, будто пересчитывая количество зубов.

Девушка пошла прочь от места схватки, от своего бывшего дома.

- Но долго ты ещё продержишься, Эмбирель? Какой во всем этом смысл?

Она прошла ворота, отделявшие земли поместья от остального города. Пустые мёртвые улицы – вот теперь её новый дом, её новая клетка. Она сама убила своего отца, скорее всего последнего живого родственника, последнего из семьи Де Ларго, тем самым окончательно разорвав связь с прошлым.

Дочь аристократа? Теперь это ничего не значит, теперь это даже не правда.

Эмбирель взмахнула саблей. Нужно будет лучше изучить новые способности своего тела, раньше оно было таким слабым... Поднесла сталь к глазам. Грязное зазубренное лезвие. Оно успело так затупиться, пока было у неё в руках? Девушка задумалась, стоит ли попробовать его как-то заточить? Стоит ли вообще следить за ним? В городе осталось полно оружия, просто валялось на улицах.

Она подобрала новую саблю, отбросив старую, но впредь решила не быть столь расточительной. Мало ли в какой опасности она может оказаться, а под ногами не будет ничего, чем бы можно себя защитить.

Нужно сменить еще и одежду. Похоже, ей часто придётся это делать, если, конечно, она сможет выживать.

Очередной пустой дом предоставил новые чистые вещи, взамен испачканных чёрной дурно пахнущей чем-то тухлым кровью. Ей не перед кем красоваться новыми нарядами, но она не хотела, чтобы даже частичка этих тварей прикасалась к коже, это вызывало отвращение.

На кухне нашлась и еда. Но естественно это была не обычная человеческая пища, её девушка уже не способна воспринимать. Острое, чуть искривленное окончание сабли пронзило зазевавшуюся крысу.

Эмбирель поднесла к глазам еще трепыхающегося и обреченно повизгивающего грызуна. Раньше она ни за что бы не прикоснулась к этим серым разносчикам заразы. Нет, она их не боялась в отличие от сестёр, те бы просто истошно завизжали и побежали к отцу или брату с требованием поскорее прикончить это маленькое, но такое противное существо. Но чувство брезгливости заставило бы её покинуть помещение вслед за сёстрами.

Сейчас же от этой крысы зависело: проведет ли она ближайшее время в сознании или же погрузится в беспамятство, в безумие, когда власть над разумом возьмут инстинкты, требующие лишь одного – утоления голода.

Эмбирель свернула грызуну шею, чтобы несчастное существо прекратило уже мучится, сильнее вспорола мягкую шкурку. Подняла трупик над головой. Осторожно, чтобы не испачкать кровью новую одежду, поймала ртом тонкую струйку крови, ощутив языком тепло чужой жизни.

На этот раз кровь не показалась ей сладкой, возможно, девушка не была еще на столько голодна. Но зарождавшееся неприятное сосущее чувство, где-то в районе солнечного сплетения, отступило.

Потом последовал черёд мяса, аккуратно срезанного кухонным ножом.

Все её детское воспитание благородной леди пропало в пустоту, теперь она просто мясник. Разве что, оставаясь в сознании, способна удержать себя от того, чтобы вгрызаться в плоть зубами.

Приведя себя в порядок после трапезы, Эмибрель вышла на знакомые улицы. По ним их кортеж из повозок пытался выбраться из города. А вон и те две кареты, что перегородили проезд.

Одну из них девушка узнала. Она несколько раз видела эти вычурные узоры, витые золотые цветы на фиолетовом. Карета принадлежала семье Алфлос.

Эмбирель заглянула внутрь, в проём покореженной треснувшей древесины. На девушку со страхом смотрели красивые широко открытые голубые глаза. Глаза, навечно застывшие в своей последней эмоции.

Её звали Вивьет. Можно сказать, что они даже дружили когда-то вместе, но с возрастом старая подруга становилась все холодней. Возможно, она завидовала необычной, не подпадающей под стандарты, и от того еще более притягивающей взгляды красоте Эмбирель, а возможно она просто очень хорошо переняла учение своих родителей, старалась быть настоящей гордой аристократкой. В итоге девушки перестали понимать друг друга.

Однажды, именно из окна этой кареты, Вивьет увидела её и Рендона. Эмбирель надолго запомнила презрительный взгляд своей подруги, издевательскую улыбочку. В понимании этой чванливой аристократки это был позор, позор встречаться с простолюдином. Она смотрела на парочку, как на ничтожество, опустив их на уровень кроликов, зверьков за которыми занимательно понаблюдать.

А теперь Вивьет лежит в опрокинувшейся карете в нелепой неестественной позе, вывернув назад голову. Какая случайная нелепость привела к тому, что она умудрилась свернуть себе шею?

Воспоминания пробудили в Эмбирель ярость, и смерть бывшей подруги в связи с ними вызывала ненормальную злую радость: не спасли тебя ни манеры, ни происхождение, ни прислуга! Ты мертва! Сдохла, да еще и так нелепо! Мертва. А я…

Эмбирель одёрнула себя, оборвала, задавила возрастающую ярость. Всё-таки, если бы Вивьет хотела испортить ей жизнь, она бы всем рассказала о них с Рендоном, но старая подруга так этого и не сделал, сохранила всё в секрете.

Девушка отвернулась. Прошлое осталось в прошлом, в небытие, в другой уже недостижимо далекой жизни. Теперь у неё иная жизнь, новая, произошло страшное перерождение. Жизнь ли?..

- Ну уж нет, Эмби, не смей забывать меня, - изящная ладонь легла девушке на плечо, золотые кудри Вивьет оказались совсем рядом. – Вспомни, как весело нам было в детстве… Давай вернёмся туда. Обещаю, между нами больше не будет никаких ссор. Пойдем за мной.

Эмбирель дёрнула плечом, обошла опрокинутые кареты, чтобы пройти дальше по улице. Где-то там был пожар.

Она остановилась у самой границы. Чёткая линия отделяла обугленные каркасы домов, засыпанную пеплом улицу, искривлённые в агонии почерневшие тела от безмятежного застывшего города. Будто по чьей-то воле огонь резко остановился, потух, покорно усмиряя свою ярость. По их воле?

Девушка так и не пересекла границу, не желая идти меж костей проступившего скелета, где огонь содрал плоть с Шарлея.

Сгорела лишь малая часть города. Возможно, им он нужен был целым.

Лучше бы здесь всё сгорело… Эмбирель повернулась спиной к пепелищу, мгновение выбирая, в каком направление двигаться дальше, как сквозь тишину до напряжённого слуха донеслись странные отзвуки. Очень знакомые и в то же время совершенно не привычные для погрузившихся во тьму улиц.

Цок-цок, цок-цок.

Звонкий звук лошадиных подков, выбиваемый о брусчатку.

В каком-то внезапно появившемся предвкушении, не в надежде - она давно умерла (по крайней мере, девушка заставляла себя так думать), Эмбирель бросилась в сторону этих отзвуков. Сама при этом стараясь не издавать ни звука. И это получалось. Она поймала себя на мысли, что обрела контроль над своим телом, о коем даже помыслить не могла раньше. Этот контроль помогал бежать бесшумно, помогал следить за движениями тела и одежды, сводя к минимуму издаваемые звуки.

Цок-цок, цок-цок.

Монотонный звон становился все ближе. Вот он, раздаётся из-за угла.

Девушка остановилась, прижалась к стене. Неужели это всадник? Может, гвардейские кавалеристы смогли пережить этот хаос и сейчас разыскивают выживших? Или же это кто-то из них?

Цок-цок, цок-цок.

Неторопливо покачиваясь, всадник появился на улице. Или точнее то, что она приняла за всадника.

http://tl.rulate.ru/book/50602/1341886